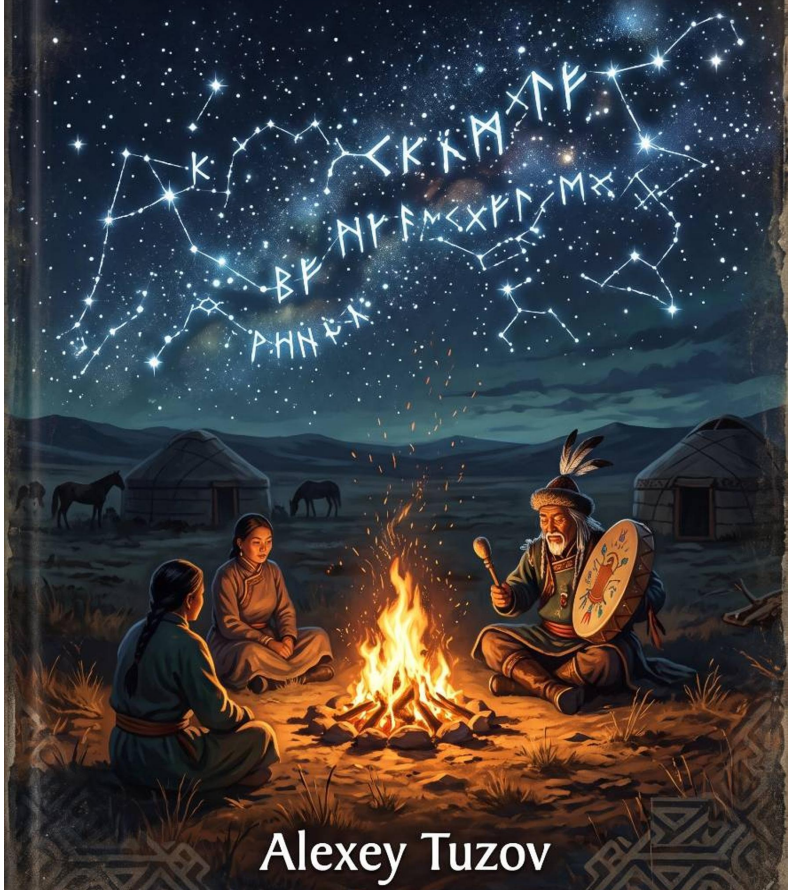

НЕВИДИМАЯ СТЕПЬ

Люди, духи и вера в Центральной Азии

Alexey Tuzov

Невидимая степь. Люди, духи и вера в Центральной Азии

<https://litres.ru/74256793>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Невидимая степь» — литературное исследование религиозной культуры Центральной Азии, рассказанное через человеческие судьбы, исторические документы и этнографические реконструкции.

В этой книге встречаются шаманы и муллы, странствующие проповедники и женщины-целительницы, паломники и советские комиссары, учёные с полевыми дневниками и современные городские «проводники в мир духов». Одни пытаются сохранить веру предков, другие — очистить её от «суеверий», третьи — уничтожить, классифицировать или выгодно продать.

Каждая художественная история опирается на этнографические описания, архивные свидетельства и научные исследования. За рассказом следует разбор: что известно достоверно, что остаётся спорным, где заканчивается документ и начинается реконструкция, а где поздняя легенда выдаёт себя за древнюю традицию.

Это книга о человеке, который во время болезни идёт к врачу, читает молитву, вспоминает предков и всё равно оставляет в своей жизни место для необъяснимого.

Содержание

Пролог	5
Человек, который видит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Alexey Tuzov
Невидимая степь.
Люди, духи и вера в
Центральной Азии
Пролог

Человек, который видит

Больного привезли после полуночи, когда собаки уже перестали отвечать друг другу и в тишине слышно было, как ветер трогает сухие стебли у стены. Его вели под руки двое мужчин, хотя он не сопротивлялся и, казалось, мог идти сам. Ноги его двигались послушно, голова была опущена, ступни осторожно находили землю, но всякий раз, когда впереди открывалась тёмная дверь, он останавливался и ждал, словно кто-то должен был первым войти в дом и убедиться, что там никого нет. За мужчинами шла пожилая женщина, прижимавшая к груди узел с его одеждой, лекарствами и ещё какими-то вещами, которые родственники собирают в дорогу, когда уже не знают, что именно может понадобиться. По-

следней вошла молодая жена больного. Она несла чашу, завернутую в белую ткань, и старалась не смотреть по сторонам. Внутри чаши плескалась вода, над которой несколько дней назад читали молитву.

Человек, к которому они пришли, не вышел навстречу и не спросил, кто стучит в такой час. Он сидел в глубине комнаты, возле низкого огня, и перебирал в руках тёмные бусины. По стенам нельзя было понять, кому принадлежит этот дом. Здесь не было ни священных изображений, ни вещей, которые безошибочно выдали бы ремесло хозяина. На войлоке лежала старая плетёная корзина, рядом стояла деревянная чаша, на подоконнике темнела связка высохших растений, а под потолком висел небольшой кожаный мешочек, какие носят и как оберег, и как местечко для лекарств, и просто как память о человеке, давно покинувшем дом. На полке лежала книга, завернутая в ткань. Никто из пришедших не попросил развернуть её, а хозяин не счёл нужным показать, что в ней написано. Он поднял глаза лишь тогда, когда больного усадили у стены, и посмотрел не на его лицо, а на место немного левее, будто рядом с человеком находился ещё кто-то, кого остальные не видели или не желали замечать.

— Давно? — спросил он.

Ответили сразу трое, и каждый назвал своё начало болезни. Мать сказала, что всё изменилось после похорон старшего брата, когда сын вернулся с кладбища бледным и до утра не мог согреться. Жена утверждала, что первые при-

ступы случились позднее, после ночёвки возле заброшенного колодца. Двоюродный брат вспомнил день, когда больной упал с лошади, ударился затылком и несколько минут лежал без памяти. Сам больной молчал. Он сидел, положив ладони на колени, и смотрел на огонь с таким напряжением, словно ожидал, что пламя сейчас примет знакомый облик.

Врач осматривал его дважды. В первый раз он сказал, что причиной может быть ушиб, прописал покой и дал порошки, после которых больной проспал почти сутки. Во второй раз врач говорил о нервах, истощении и затянувшемся горе. Он велел хорошо кормить больного, не оставлять одного и не слушать его рассказов о голосе, который зовёт по ночам. Порошки помогали заснуть, но после сна становилось хуже: больной просыпался в страхе, не узнавал жену, закрывал лицо руками и просил не пускать в дом человека, стоявшего за дверью. Дверь открывали, показывали пустой двор, зажигали светильник и обходили все углы. Больной успокаивался, но едва пламя начинало дрожать от сквозняка, снова поворачивал голову к порогу.

Потом пригласили муллу. Он прочитал над больным аяты, подул ему в лицо, написал несколько строк, смыл чернила в воду и велел пить её по утрам. На шею повесили амулет, в котором находился сложенный листок с молитвой. Несколько ночей больной спал спокойно, и родственники уже решили, что болезнь отступила, но затем он сорвал амулет, бросил его в огонь и закричал, что внутри нет тех слов, кото-

рые ему нужны. Утром, придя в себя, он ничего не помнил и плакал, узнав, что сделал. Мулла сказал, что чтение следует продолжать, но предупредил родственников, чтобы они не обращались к людям, вступающим в переговоры с джиннами и выдающим древние заблуждения за дар свыше. Родственники согласились, поблагодарили его и в тот же день стали расспрашивать, кто ещё умеет лечить такие болезни.

Они отвезли больного на могилу почитаемого человека, ночевали возле святыни, привязали полоску ткани к кусту и раздали пищу прохожим. Старшая сестра зарезала чёрную курицу, хотя остальные потом уверяли, что не просили её этого делать. Тётка окуривала дом дымом, соседка катала по телу больного яйцо, а мать несколько раз обращалась к умершему мужу, требуя, чтобы тот перестал звать сына к себе. Каждый поступал в соответствии со своим знанием, своим страхом и своим представлением о причине беды. Никому не казалось странным, что врач говорил об ушибе и нервах, мулла — о дозволенном лечении молитвой, сестра — о сглазе, а мать — о недовольстве умерших. Станным казалось только то, что ни одно из объяснений не приносило окончательного облегчения.

Хозяин дома выслушал их, не перебивая, и спросил больного, что тот увидел первым. Не когда заболела голова, не когда началась бессонница и не в какой день умер брат, а что именно он увидел прежде, чем окружающий мир изменился. Больной медленно поднял лицо. Глаза его были воспалены,

но взгляд оставался ясным, и на мгновение жена с надеждой подалась к нему, решив, что он узнал её. Он посмотрел на человека у огня и спросил, зачем тот задаёт вопрос, ответ на который уже знает.

— Я знаю только то, что вижу, — сказал хозяин.

— Тогда посмотри.

— Я смотрю.

Разговор мог показаться бессмысленным, но родственники замолчали. Больной перевёл взгляд на огонь и сказал, что возле колодца увидел брата. Тот стоял по другую сторону воды, хотя воды в колодце давно не было, и звал его детским именем, которым никто не пользовался после смерти отца. Больной подошёл ближе, но брат велел ему остановиться и указал вниз. На дне колодца было небо. Оно казалось ночным, хотя вокруг ещё не стемнело, и в нём двигались звёзды. Одна из них отделилась от остальных, поднялась к поверхности и превратилась в глаз. После этого он очнулся на земле, с разбитым затылком и землёй во рту. Родственники нашли его только к утру. Следов возле колодца не было, кроме его собственных, но он с тех пор утверждал, что вернулся не один.

Хозяин дома спросил, был ли брат старше его. Мать ответила утвердительно. Спросил, умер ли тот внезапно. Женщина отвела глаза и сказала, что смерть произошла по воле Бога. Спросил, не было ли между братьями долга, клятвы или тяжёлых слов, оставшихся без примирения. На этот раз

никто не ответил. Молодая жена поставила перед собой чашу с водой и крепче сжала руки. Двоюродный брат кашлянул, словно хотел начать говорить, но мать остановила его одним взглядом. Тогда человек у огня взял горсть сухих листьев, растёр их между ладонями и бросил на угли. По комнате пополз горький дым. Больной зажмурился и впервые за всё время попытался встать.

Его удержали, но хозяин велел отпустить. Больной поднялся сам, сделал два шага к выходу и остановился возле порога, где начиналась темнота. Дым тянулся за ним тонкой полосой. Человек у огня встал, взял с войлока плетёную и положил её поперёк двери. Затем вынул из ножен короткий нож, провёл тупой стороной лезвия над плечами больного, не касаясь одежды, и опустил нож в чашу с водой. Металл ударился о край, и этот негромкий звон заставил больного вздрогнуть сильнее, чем любой крик. Он повернулся к жене и спросил, зачем она привела их сюда, хотя никто не понял, о ком он говорит.

Хозяин начал читать. Первые слова были знакомы всем присутствующим: он призвал имя Бога, милостивого и милосердного, произнёс строки, которые читали над больными, испуганными детьми и домами, где долго не прекращались несчастья. Мать больного шевелила губами, повторяя молитву, жена закрыла лицо ладонями, двое мужчин сидели неподвижно, стараясь не смотреть на нож в воде. Однако вскоре в размеренном чтении появились другие слова. Они

не противоречили молитве, но не принадлежали известному им тексту. Человек у огня обращался к тому, кто пришёл с ветром, и требовал уйти с ветром; говорил тому, кто поднялся из воды, вернуться в воду; напоминал умершему, что мёртвым отведена своя дорога, а живым — своя. Он перечислял имена предков больного, хотя родственники не называли их при нём, и после каждого имени делал паузу, словно ожидал ответа.

Больной засмеялся. Это был не громкий и не зловещий смех, а короткое, почти дружеское выражение узнавания, от которого матери стало страшнее, чем от прежних криков. Она прошептала имя старшего сына. Хозяин резко поднял руку, запрещая ей говорить. Больной продолжал улыбаться, но лицо его постепенно теряло прежнее выражение. Губы двигались, будто он отвечал кому-то очень близкому, однако слышно было только дыхание. Человек у огня приблизил к нему чашу и велел посмотреть в воду. Больной наклонился. Поверхность дрогнула, хотя никто не касался сосуда. Жена позднее будет уверять, что видела в воде второе лицо; двоюродный брат скажет, что это было отражение пламени; мать не станет рассказывать об этой ночи вовсе.

Ветер ударил в стену, дверь приоткрылась, и огонь на мгновение вытянулся в сторону больного. Тот отшатнулся, закрыл голову руками и упал на колени. Из горла у него вышел протяжный звук, не похожий ни на человеческий стон, ни на голос животного, хотя, возможно, это был всего лишь

воздух, с трудом проходивший через сведённую гортань. За стеной завывали собаки. Хозяин схватил больного за затылок, прижал его лицо к пару, поднимавшемуся от чаши, и громко спросил, кто пришёл вместе с ним от колодца. Больной назвал имя брата, затем имя отца, потом имя человека, которого никто из присутствующих не знал. С каждым ответом хозяин ударял плетью по полу, и пыль поднималась вокруг колен больного. Удары были рассчитаны так, чтобы не касаться тела, но мать всё равно вскрикивала, будто били её сына.

Потом всё закончилось без видимого завершения. Больной обмяк, опёрся ладонями о пол и его вырвало водой, хотя с вечера он почти ничего не пил. Хозяин завернул нож в ткань, вынес чашу за порог и вылил содержимое там, где не ходят люди. Вернувшись, он долго держал ладонь над головой больного, затем сказал жене, чтобы та укрыла мужа и дала ему поспать. Он не объявил, что изгнал джинна, вернул похищенную душу или примирил умершего с живым. Он вообще не назвал того, что, по его мнению, произошло. На вопрос матери, уйдёт ли болезнь, ответил, что до рассвета станет видно, хочет ли больной остаться среди живых.

— А если не захочет? — спросила она.

— Тогда мы будем спрашивать, почему.

Они ждали до утра. Больной спал возле стены, тихо и ровно, не вздрагивая от каждого звука. Жена сидела рядом, положив руку ему на грудь, и время от времени проверяла дыхание. Двоюродный брат задремал у двери. Мать смотрела

на человека у огня, который снова перебирал бусины, и никак не могла решить, молится ли он, считает ли удары сердца или разговаривает с теми, кого она не видит. Перед рассветом больной открыл глаза, попросил воды и узнал жену. Он не помнил ни чаши, ни ножа, ни имени, произнесённого чужим голосом. Голова всё ещё болела, руки дрожали, а при попытке подняться его повело в сторону. Хозяин велел родственникам утром снова показать его врачу, продолжать давать назначенное лекарство и не оставлять одного возле воды. Мать удивилась, услышав о враче, но человек у огня заметил, что молитва не вправляет сломанную кость, а лекарство не всегда примиряет человека с умершим.

Плату он взял не сразу. Сначала отказался от денег, затем попросил принести пищу и раздать её от имени покойного брата. Велел посетить его могилу, прочесть молитву, вернуть долг, о котором родственники молчали, и больше не называть умершего в доме после заката. Когда мать спросила, был ли это её старший сын, хозяин ответил, что мёртвые редко приходят одни и почти никогда не являются такими, какими их помнят. Это могло означать всё что угодно. Возможно, он говорил о джинне, принявшем знакомый облик; возможно, о чувстве вины, которое воспользовалось голосом покойного; возможно, просто хотел удержать женщину от опасной уверенности, что она знает устройство невидимого мира. Через несколько дней больному стало лучше. Через месяц приступ повторился. Родственники снова отвезли его

к врачу, потом к мулле, а затем вернулись в дом человека, который видел рядом с людьми то, что остальные замечали лишь по последствиям.

На этом месте рассказ следует остановить, прежде чем он сам подскажет нам слишком удобное объяснение. Мы не знаем, в каком веке произошла эта ночь, потому что почти все её предметы могли принадлежать разным эпохам. Врач, измеряющий пульс и говорящий о нервах, мог появиться в степном городе или большом селении задолго до наших дней. Амулет с записанной молитвой, вода, над которой читали Коран, посещение могилы святого, обращение к предкам, дым растений, железо, плетъ и ночное лечение также существовали не в одном времени и не в одной местности. Мы не знаем, кем был человек у огня. Его могли называть баксы, бакшы, фолбином, порханом, знахарем, ишаном, ясновидцем или просто стариком, умеющим лечить испуг. Возможно, он принадлежал к семейной линии религиозных специалистов, возможно, пережил болезнь и счёл её призванием, возможно, обучался у другого целителя, а возможно, обладал лишь наблюдательностью, знанием человеческой души и достаточной уверенностью, чтобы окружающие признали за ним особый дар.

Мы также не знаем, произошло ли в комнате нечто сверхъестественное. Дрожание воды можно объяснить движением пола, ветер — переменной погоды, нечеловеческий звук — спазмом дыхательных путей, внезапный сон — исто-

щением, а знание имён — сведениями, полученными заранее или угаданными по реакции родственников. Даже улучшение больного ничего не доказывает: оно могло быть результатом лекарства, внушения, эмоциональной разрядки, естественного течения болезни или совокупности причин, которые не исключают друг друга. Но столь же поспешно было бы объявить всех участников жертвами невежества. Перед нами не беспорядочный набор нелепых действий. Человек у огня создал последовательность, в которой болезнь получила образ, семейное молчание было нарушено, чувство вины названо, умершему отвели границу, а живому предложили вернуться к своим обязанностям. Он не отменил врача и не заменил молитву собственным ритуалом. Он включил телесное страдание, память семьи, исламские формулы, представления о предках и старые способы изгнания опасности в единый акт восстановления нарушенного порядка.

Этнографические свидетельства из Центральной Азии постоянно возвращают нас к подобным сочетаниям. Духи болезни могли осмысляться как связанные с водой, огнём, ветром, кровью или умершими; баксы призывал собственных помощников, определял противника и разыгрывал борьбу, исход которой не всегда считался предрешённым. В одном случае использовали кобыз, в другом — плетень, нож, чашу, зеркало, дым или воду; исламские молитвы и имена Аллаха не обязательно вытесняли более древние представления, а входили в один лечебный обряд вместе с ними. Поле-

вые записи Фёдора Фиельструпа о казахском баксы Исламбеке показывают особенно сложную картину: духи-помощники именовались джиннами, делились на мусульманских и враждебных, появлялись во время лечения и сообщали целителю, с какой болезнью он имеет дело. Здесь невозможно провести чистую границу, по одну сторону которой находился бы «древний шаманизм», а по другую — ислам. В действительной жизни эта граница постоянно пересекалась. Наблюдатель, воспитанный на строгом разделении медицины и религии, вероятно, спросит, кому именно верила семья больного. Врачу, который говорил об ушибе и нервах? Мулле, читавшему Коран? Святому, возле могилы которого они провели ночь? Умершим предкам, способным защищать и тревожить живых? Или человеку у огня, который обращался одновременно к Богу, мёртвому брату и не названному существу, пришедшему от колодца? Сам вопрос предполагает, что вера должна быть единственным и последовательным выбором, похожим на принятие одной теории и отказ от всех остальных. Однако родственники больного, скорее всего, не считали свои действия противоречивыми. Тело принадлежало врачу, дозволенная молитва — мулле, судьба — Богу, память — предкам, а необъяснимый страх требовал человека, умеющего вступать в ту область, где эти силы соприкасаются. Они обращались не к взаимоисключающим системам, а к разным возможностям помощи, каждая из которых отвечала на свою часть беды.

Поэтому главный вопрос этой книги звучит не так: во что на самом деле верили люди Центральной Азии — в Тенгри, Аллаха, духов, святых или предков? Такая постановка заранее превращает живую религиозную культуру в экзамен на догматическую последовательность. Гораздо важнее понять, что именно мы называем верой, когда человек обращается сразу к врачу, святому, предкам и древнему обряду. Является ли это смешением религий, сохранением пережитков, практической осторожностью или особым способом видеть мир, в котором телесное, нравственное, природное и невидимое ещё не разошлись по независимым областям? Почему молитва не отменяет лекарства, а лекарство не уничтожает потребности в ритуале? Каким образом древние представления продолжают жить внутри новой религиозной системы, меняя имена, истолкования и способы оправдания? И почему даже человек, уверенный, что не верит в духов, в час настоящей беды иногда предпочитает не исключать ни одной двери, за которой может находиться помощь?

На эти вопросы невозможно ответить, просто назвав человека у огня шаманом или мошенником, а его посетителей — верующими или суеверными. Название успокаивает исследователя, но редко объясняет участника. Нам придётся войти в мир, где сон мог считаться сообщением, болезнь — нарушением отношений, умерший — членом семьи, а религиозный специалист — не владельцем отдельной веры, а посредником между несколькими порядками реальности. В

этом мире ислам не встретился однажды с готовым и неизменным «язычеством». Он вошёл в пространство, уже населённое памятью, страхом, священными местами, предками, духами и людьми, которые умели разговаривать с невидимым. Одни из этих представлений исчезли, другие были осуждены, третьи получили новые имена, а некоторые продолжили существовать внутри мусульманской речи, став джиннами, аулие, благословением, испытанием или даром. История этой встречи не сводится к победе одной религии над другой. Это история долгого перевода, во время которого древние вопросы сохранялись даже тогда, когда менялись ответы.

Человек у огня видел не обязательно больше остальных. Возможно, он только умел смотреть туда, куда другие боялись направить взгляд: на вину перед умершим, на болезнь, не укладывающуюся в одно объяснение, на страх семьи, который стал сильнее страдания больного. Но для тех, кто пришёл к нему ночью, различие между проницательностью и сверхъестественным даром уже не имело решающего значения. Они привели к нему человека, которого не смогли вернуть ни порошки, ни молитвы, ни забота родных, и увидели, как тот уснул после многих бессонных ночей. Этого было недостаточно для доказательства чуда, но достаточно для рассказа. А с рассказов, передаваемых от дома к дому и от поколения к поколению, начинается не только слава целителя. С них начинается история веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.